

8. Gabelentz G. Die Sprachwissenschaft. Leipzig, 1891
9. Бодуэн де Куртэне И. А. Количественность в языковом мышлении // Бодуэн де Куртэне И. А. Избр. труды по общему языковедению. М., 1963. С. 312—323.
10. Jespersen O. The philosophy of grammar. L., 1924
11. Brunot F. La pensée et la langue. Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du language appliquée au français. 3-me éd. revue P., 1953.
12. Jespersen O. Analytic syntax. [N.Y.], 1937. [1969].
13. Mathesius V. A functional analysis of present day English on a general linguistic basis. Prague, 1975.
14. Seiler H. Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.
15. Seiler H. Apprehension. Language, object, and order Pt III: The Universal dimension of apprehension. Tübingen, 1986.
16. Русская грамматика. I—II. М., 1980.
17. Проблемы функциональной грамматики. М., 1985
18. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
19. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984
20. Даже Л. Универсальная грамматика и школа А. А. Холодoviча // ВЯ. 1987. № 5.
21. Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.
22. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
23. Даже Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984.
24. Dezsö L. Studies in syntactic typology and contrastive grammar. Budapest; The Hague, 1982. P. 213.

© 1990 г.

ДРЕССЛЕР В. У.

ПРОТИВ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ТЕРМИНА «ФУНКЦИЯ» В «ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ» ГРАММАТИКАХ

«Функция» и «функционализм» — часто употребляемые, но неоднозначные термины, используемые в лингвистических дискуссиях, а также в теоретических и эмпирических штудиях. О том, что это имеет место также и в Советском Союзе, свидетельствуют работы Звегинцева и Маслова [1, 2], а также новая книга «Теория функциональной грамматики» [3]. Для термина необходимо, однако, — по меньшей мере в рамках одной дисциплины и в пределах одного исследовательского контекста — однозначная дефиниция или по крайней мере однозначное употребление, в идеале даже одно-однозначность [«*Einivozität/biuniqueness* (см. [4])]. Этой однозначности или даже одно-однозначности термина «функция», однако, не существует даже в рамках одной функциональной школы и тем более не соблюдается при спорах между лингвистическими школами.

В настоящей статье я хотел бы лишь внести посильный вклад в уточнение терминов, т. е. в снятие их неоднозначности. При этом я не имею возможности остановиться на особенностях использования соответствующих терминов в теориях всех возможных функциональных школ (см. [5—9]); однако я хотел бы, с одной стороны, коснуться нового коллективного труда по функциональной грамматике [3], а — с другой стороны, обсудить основные положения двух средневропейских направлений функционализма.

В большинстве функциональных направлений термин «функция» употребляется в смысле коммуникативного содержания, причем часто понятие «грамматическая функция» практически используется как си-

ноним термина «грамматическое значение». Так, например, А. В. Бондарко [3, с. 17 и сл.] различает потенциальную и результирующую функции, что очень напоминает структуралистические разграничения между «valeur» (соответственно «signifié») на уровне потенциальной языковой системы (сосюрровское «langue»), с одной стороны, и актуальным значением на уровне реализации (сосюрровское «parole») — с другой.

Бондарко [3, с. 22 и сл.] осознает эту проблему и выступает против уравнивания семантической функции и значения определенной формы, причем выдвигает следующие аргументы.

1) Термин «функция» (но не «грамматическое значение») означает функционирование в рамках языковой системы или в данных контекстах. Против этого, однако, следует возразить, что значение подразделяется на основное и контекстуальное и что даже системное (потенциальное) значение формы не является чем-то статическим, а может рассматриваться только в связи (в оппозиции, или контрасте, если использовать структуралистическую аргументацию) с другими формами системы языка, в особенности соответствующей подсистемы, исследуемой в парадигматическом и синтагматическом аспектах.

2) Функция относится (очевидно, в отличие от значения) также к различным коммуникативным сферам языка. На это следует возразить, что и значение должно быть дифференцировано подобным же образом, если учитывать коммуникативную функцию языка, а также, подобно Л. Ельмслеву, Э. Косериу и др., включать в качестве связующего члена между уровнями «langue» и «parole» промежуточный уровень нормы. Дело в том, что для всех коммуникативных сфер существуют нормативные реализации грамматических (и других) значений потенциальной системы.

3) В отличие от функции значение является составной частью понятия знака. Против этого положения у меня два основных возражения:

а) Подобное разграничение базируется на слишком узкой и совершенно устаревшей в семиотике теории знака. Так, например, знаковая теория Пирса [10, 6, 11, 12] абсолютно функционалистична и оперирует, наряду с элементами знака «signans» — «signatum» (на которые, употребляя другую терминологию, ссылается Бондарко), важным, но, к сожалению, часто игнорируемым понятием «интерпретант» (Interpretant), которое как раз и содержит тот коммуникативный эффект, который Бондарко хочет вложить в понятие «функция».

б) Даже если бы понятие функции не входило бы в (слишком простое, приблизительно соответствующее сосюрровскому) понятие знака, то возник бы вопрос: каково место функции в системе? Другими словами, если значение конституируется семиотически, то каким образом конституируется функция? Это, конечно, было бы возможно в рамках кибернетической теории систем (ср. [13, 14, 7]).

Отсюда вытекает мой первый вывод: понятие функции в том виде, в каком оно употребляется у А. В. Бондарко [3], является избыточным, т. к. оно слишком мало отличается от понятия значения, а второстепенные значения или коннотации, связанные с термином «функция», точнее могут быть выражены уже существующими определениями понятия значения. С другой стороны, существует семиотическое понятие «интерпретант», которое в гораздо более полной степени может удовлетворить существующие потребности номинации, возникающие у лингвистов, занимающихся функциональной теорией. Если же все же настаивать на сохранении понятия функции, то его следует отграничить от других (см. ниже) понятий функции, таких, например, как «грамматическая функция»

вложить в него такое содержание (например, на основе теории систем Парсона), чтобы действительно имело смысл, наряду с понятием «грамматическое значение», еще дополнительно употреблять понятие «грамматическая функция». При этом следовало бы избегать сверххарактеризующих (так сказать, избыточно-тавтологических) понятий, таких, например, как употребляемые у Бондарко термины «семантическая функция», «семантически-функциональный / функционально-семантический», или дать им четкое определение, которое позволяло бы отличать их как от понятия «семантический», так и от понятия «функциональный».

Наряду с только что обсуждаемыми способами употребления в советской лингвистике и в родственных дисциплинах (например, в нейропсихологии [15]) существуют — как и везде — такие термины, как «коммуникативная функция», «предикативная функция», «имплативная функция». Эти понятия функций должны быть отграничены от обсужденных выше понятий, т. к. они — естественно, на различном иерархическом уровне — относятся к сфере таких выражений, как «инструментальная функция языка».

Понятие функции в модели УНИТНН (= универсалии и типологии) Кёльнской школы (под руководством Зайлера) ограничено этой когнитивной областью и требует объяснения 116—181. Здесь функции и операции приводятся в соответствие друг с другом в гораздо более систематическом порядке, чем это имеет место в модели «means-ends» Пражской школы. Так, например, этикетировочная функция (labelling function), близкая к номинативной функции в советской лингвистике, противопоставляется дескриптивной функции. Если, например, сравнивать такие операции, как образование относительных придаточных предложений — с одной стороны, и композиция и деривация — с другой, то следует отметить, что относительные придаточные предложения могут выполнять дескриптивную функцию оптимальным образом, а деривация — минимальным; при этикетировочной же функции имеет место как раз противоположное, причем композиция в обоих случаях занимает как бы промежуточное положение. Отношение между операциями и функциями следует четко отграничивать от отношения между формой и значением, т. к. относительное придаточное предложение не обладает значением «дескрипции», а прилагательное «дескриптивный» означает в термине «дескриптивное относительное придаточное предложение» совершенно не то, что в понятии «дескриптивная функция» [последнее относится к операциям как средству образования относительных придаточных предложений, необходимых для коммуникации (т. е. к высшей коммуникативной функции языка)].

Вместо того чтобы далее характеризовать теорию Зайлера, я теперь хотел бы обратиться к семиотически представленным мной теориям естественности [19, 20], в особенности естественной фонологии [21], естественной морфологии [21—23] и аналогичной лингвистике текста [24, 25, 23].

По мнению специалистов в области теории естественности, функциональная научная теория уместна не только в тех отраслях языкознания, которые вообще не могут быть обработаны без учета коммуникативного аспекта (например, в лингвистике текста [26] и при исследовании фонетических стратегий [27, 28]), но и по необходимости также и в фонологии, т. к. она строится именно на фонетике как основе для объяснений. Другими словами, фонология является структурным средством, служащим фонетическим стратегиям в рамках системы. Кроме того, следует учитывать, что язык является социальным феноменом, в связи с чем функцио-

нальные объяснения — подобно тому, как это имеет место в функциональной или кибернетической теории систем [13, 14, 29] — являются необходимыми.

В научной теории понятие функции тесно связано с соответствующим понятием в телеологии ([30, 31], ср. термин «цель» у Бондарко [31]). Функциональное объяснение на основе научной теории можно осуществить двумя способами.

1) На основе чисто телеологического или, лучше, телеономического описания и объяснения (ср. аристотелевское *causa finalis*). Речь идет о целенаправленной, намеренной операции ([30, 31]), ср. термин «цель» у Бондарко). Такая языковая операция используется, конечно, при построении стратегии действия (*Performanzstrategien*), стратегий текста, социолингвистических, стилистических и риторических стратегий. Субъектом целенаправленного языкового действия является не только индивид и его совокупная деятельность, но и языковая общность, поскольку она закрепляет в своих языковых нормах средства для достижения целей, осуществляет их кодификацию, перекодирование или вовсе отбрасывает (т. е. акцептирует или отвергает соответствующие нормативные инновации). Особенно показательным, хотя и экстремальным примером являются терминологические группы, заново кодирующие (при учете национальных и интернациональных норм) совершенно ясные и однозначные морфологические неологизмы в терминологических целях (т. е. выполняющие в соответствии с критериями естественности этикетизирующую и дескриптивную функции). Последние, однако, часто не находят признания — по различным причинам — у специалистов, пользующихся терминологией.

2) Другая функциональная схема имеет место, когда нельзя допустить наличие сознательного действия, т. е. если средство (*Mittel/means*) или операция X имеют функцию F в рамках системы S [30—32].

Так, например, возвращаясь к модели Зайлера в связи с моей собственной, следует отметить, что операции композиции в рамках грамматических средств того или иного языка обладают номинативной функцией (этикетизирующая функция в рамках словообразовательной функции обогащения лексикона) и описательной функцией (дескриптивная функция в рамках словообразовательной функции лексической мотивации). Функции русских композитов типа *луноход* нельзя, таким образом, отождествить ни с их значениями, ни со значением этого типа композиции, ни с их парадигматическими и синтагматическими отношениями и реализациями. Они реализуются в продуктивном обогащении русской лексики, обеспечивая экономичный тип номинации и создание в достаточной степени «говорящих имен» (хотя, конечно, с точки зрения системы было бы вполне возможным назвать космонавтов или что-либо другое словом *луноход*).

Отношения между формой и функцией могут иметь различный характер [33].

1) Свойства формы или, точнее, операции совместимы исключительно с ее функцией: так, по-видимому, все альтернативные возможности обозначения лунного транспортного средства (лунохода) в русском языке сами по себе вполне допустимы.

2) Операция может обладать такими свойствами, которые дают возможность выполнять функцию лучше, проще, быстрее, надежнее или с меньшими затратами, — так, по всей видимости, слово *луноход* выполнило функцию номинации экономичнее, чем его конкуренты — сложные словосочетания.

3) Свойство операции определяется ее функцией, т. к. в противном случае операция не могла бы выполнять функцию; последнее возможно в языке только в сложных ситуациях (см. примеры из диахронной фонологии [34]).

В диахронии функция может угаснуть (*vestigial function*). Типичным примером является угасание фонологических функций у фонологических правил при их морфологизации [19, с. 269]. В качестве компенсации правило приобретает морфологические функции, которые вначале возникают случайно, однако в диахронии получают большее значение (см. о правилах палатализации в польском языке [19, с. 182]).

Использование какой-либо операции, имеющей функцию X, естественно, вовсе не означает, что посредством этой операции действительно будет достигнута цель X [31, с. 73 и сл.]. Так, например, текстовая стратегия лжи является непрозрачной операцией, поскольку выраженное высказывание почти не имеет прагматической и семантической транспарентности. Лжец применяет подобную текстовую стратегию, поскольку он надеется, что непрозрачность означающего (*Signans*) в достаточной степени скрывает настоящее означаемое (*Signatum*). Однако отсюда отнюдь не следует, что обманутый в конечном итоге не осознает правду и, таким образом, не расстраивает намерения лжеца.

Функциональные объяснения, однако, никогда не могут быть такими же строгими, как дедуктивно-номологические, т. к. каждая операция может иметь много функций [30; 32, с. 71 и сл.; 33, с. 162; 34, с. 34], а каждая функция в парадигматике и синтагматике может осуществляться посредством многих операций (множественные стратегии, или редундантность). Кроме того, в большинстве функциональных систем существуют диалектические конфликты функций, для разрешения которых должны быть найдены соответствующие критерии [19, гл. 10; 35—36].

Я не могу здесь более подробно останавливаться на дальнейших проблемах функционального объяснения (см. [19, с. 262—279]). Однако я все же хотел бы кратко очертить иерархию функций в рамках естественной модели.

1) На высшем уровне находятся две основные функции языка (в качестве *faculté de langage*), а именно коммуникативная и когнитивная (или познавательная). Если рассматривать инструментальный характер языка в качестве его основной функции, следует отвести этой функции более высокий иерархический уровень, т. к. в этом случае инструментальную функцию можно было бы подразделить на коммуникативную и когнитивную, т. е. важнейшие орудия человеческого языка. От рассмотрения второстепенных (побочных) функций мы здесь ради упрощения отказываемся.

2) На втором уровне следуют основные функции отдельных компонентов языка:

2а) Согласно естественной фонологии, здесь речь идет о двух основных фонологических функциях, цель которых — сделать язык произносимым и воспринимаемым [37, 38].

2б) Главные функции морфологии — это функции морфосемантической и морфотактической мотивации и, кроме того, для флективной морфологии — синтаксическая функция, дающая возможность «снабжать» синтаксис флективными формами, а для словообразования — лексическая функция обогащения лексикона.

2в) Из функций синтаксиса я хотел бы, поскольку еще не существует разработанной естественной модели синтаксиса, назвать здесь только функцию предикации.

2г) В качестве основных функций текстового компонента можно было бы назвать семь составляющих нормативов текстуальности по Богранде и Дресслеру [24]. Несомненно, что текстосемантическая и текстопрагматическая когерентность важнее, чем текстосинтаксическая когезия, т. к. когезия может быть выведена из когерентности с помощью семиотического параметра диаграмматичности; другими словами, если текст является когерентным, то — исходя из причин универсальной тенденции к диаграмматичности между означаемым (Signatum) и означающим (Signans) — гораздо естественнее предположить, что он когезивен, чем допустить противоположное.

3) На следующей ступени находятся сочетания функций друг с другом и с семиотическими параметрами. Для иллюстрации я хотел бы расположить в определенном порядке уже названные выше примеры:

Дескриптивная функция композиции, относительное предложение и т.п. выводятся из функций морфосемантической мотивации (2б) и предикации (2в).

— Эtiquетирующая (номинативная) функция композиции вытекает из функции обогащения лексикона (2б).

— О когезивной функции см. 2г.

— Морфонологические правила часто обладают основной функцией избыточного показателя (коиндексикализации) морфологической категории (последний выводится из синтаксической функции морфологии) и фонологической функцией облегчения произносимости [часто представленной только спорадически: см. 2а].

— Замена непрозрачного композита прозрачным (в морфосемантическом и/или морфотактическом отношении) композитом имеет функцию повышения транспарентности, т. е. ее основная цель — повысить степень семиотических параметров морфосемантической или морфотактической транспарентности. При этом вновь существует диаграмматическое соотношение между морфосемантической и морфотактической транспарентностью [21]

4) На еще более низкой иерархической ступени находятся реализуемые в отдельном языке функции в рамках соответствующих специфических языковых субсистем. Здесь мы находимся на уровне, предложенном Вурцелем [39], — «системная адекватность/системная конгруэнтность».

Как мною уже было показано [21], в естественных теориях можно исходить из совокупности пяти уровней: 1) языковые универсалии/универсальная теория маркированности; 2) языковой тип/типологическая адекватность; 3) специфическая языковая компетентность/адекватность системы; 4) языковые нормы/социолингвистическая адекватность; 5) перформантность/психолингвистическая адекватность. В соответствии с этим приведенная выше иерархия функций может быть далее уточнена (см. [19, гл. 10]).

Перечисленные основные функции и семиотические параметры универсальной теории маркированности [иконичность с подпараметрами диаграмматичности, транспарентность, индексикализация (одно)однозначность] не могут рассматриваться как хаотическое нагромождение спекулятивных предположений, заданных ad hoc. В значительной степени они являются взаимозависимыми членами одной постоянной модели, т. е. реально существуют лишь немногие не зависящие друг от друга аксиомы.

Кроме того, следует учитывать своеобразие функционалистских моделей, которое становится особенно очевидным в рамках естественных моделей. В противоположность генеративной грамматике и классичес-

ким: структуралистическим школам, функциональное объяснение не замыкается ни в рамках системы языка, ни в рамках универсалий человеческого языка. Лингвистические универсалии строятся на этой теории (естественно, не полностью — в смысле философского редукционизма). Речь идет об указанных семиотических параметрах, которые действуют также и вне языка: их действительность может быть проверена эмпирически, в частности, в области оптической перцепции (ср., например, параметр транспарентности в [40]).

Другие универсальные лингвистические предпочтения вытекают из физических, нейробиологических, психических, социальных [особенностей] человека, о чем свидетельствуют многие примеры в названных выше естественнотеоретических работах. В этой связи и в [3] определенные основные положения, которые можно сравнить с постулатами естественной теории. Так, например, когда В. С. Храковский на с. 124 говорит о «кратности», он подчеркивает, что здесь речь идет о фундаментальной философской категории. Это означает в общем виде, что универсальные грамматические категории имеют когнитивную основу. Когда мы рассматриваем подробно освещенные в [3] и др. категории аспектуальности, то ясно, что во многих языках вербальный аспект относится к синтаксису и/или морфологии, а различные виды — к словообразованию (деривационной морфологии), причем вербальный характер является уделом лексической семантики. Тем не менее можно говорить о когнитивном измерении аспектуальности, причем — исходя из указанных выше причин теории моделирования — я предпочитаю понятие «когнитивное измерение» неоднозначному и неопределенному термину «функционально-семантическое поле» [3]. В этой связи я должен указать, кроме естественных теорий, также и на такие направления языкознания, как «когнитивная лингвистика», или «когнитивная перспектива» (см., например [41]). Что касается столь важного для [3] словообразования, то необходимо указать на [42], первую монографию о когнитивных основах словообразовательной морфологии в рамках «когнитивной лингвистики».

Я надеюсь, что эта эскизная статья — вместе с приведенной ниже отсылочной литературой — смогла показать, что: 1) термины «функция», «функциональный» и т. п. в большинстве функциональных грамматик используются слишком неоднозначно и неопределенно, 2) возможны более точные, иерархически расчлененные функционалистские модели и 3) эти модели обладают большей разъясняющей силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звегинцев В. А. Функция и цель в лингвистической теории // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
2. Маслов Ю. С. О типологии чередований // Знаковый строй языка / Под ред. Аванесова Р. И. и др. М., 1979.
3. Теория функциональной грамматики / Под ред. Бондарко А. В. Л., 1987.
4. Wüster E. Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie. Wien, 1979.
5. Mulder J. W. G., Hervey Z. The strategy of linguistics: papers on the theory and methodology of axiomatic functionalism. Edinburgh, 1980.
6. Hervey S. Semiotic perspectives. L., 1982.
7. Ronneberger-Sibold E. Sprachverwendung — Sprachsystem: Ökonomie und Wandel. Tübingen, 1980.
8. Papers of the paraession on functionalism / Ed. by Grossmann R. E. et al. Chicago, 1975.
9. Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen, 1988.
10. Peirce Ch. S. Collected papers / Ed. by Hartshorne C. and Weiss P. Cambridge (Mass.), 1965.

11. *Eco U.* Semiotics and the philosophy of language. Bloomington, 1984.
12. *Shapiro M.* The sense of grammar: language as semiotic. Bloomington, 1983.
13. *Luhmann N.* Zweckbegriff und Systemrationalität. Frankfurt am Main, 1973.
14. *Schweizer H.* Sprache und Systemtheorie. Tübingen, 1979.
15. *Лурия А. П.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
16. Language universals / Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978.
17. *Seiler H.* The Cologne project on language universals // Seiler H. Language universals, Tübingen, 1978.
18. van den Boom H. Zum Verhältnis von Logik und Linguistik in Bezug auf UNITYP-Grundätze // Arbeiten Kölner Univer. alien-Projekt. 1983. 52.
19. *Dressler W.* Morphology. Ann Arbor, 1985.
20. *Dressler W.* Semiotische Grundlagen einer Theorie der Natürlichen Phonologie und Morphologie // Semiotica Austriaca / Ed. Bernard J. Wien, 1987.
21. *Дресслер В.* Об объяснительной силе естественной морфологии // ВЯ. 1986. № 5.
22. *Dressler W., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W.* Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
23. *Dressler W. Barbaresi M.* Marked and unmarked discourse // Societas Linguistica Europaea Meeting. Ohrid, 1986.
24. *Beaugrande R. de, Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
25. *Dressler W., Barbaresi M.* Elements of morphopragmatics. Duisburg, 1987.
26. *Givón T.* On understanding grammar. N. Y., 1979.
27. *Lindblom B.* On the teleological nature of speech processes // Speech communication. 1983. 2.
28. *Ohala J.* The phonological aim justifies any means // PICL. 1983, 13.
29. Kommunikationstheoretische Grundlagen des Sprachwandels / Hrg. von Lüdtke H. B., 1980.
30. *Woodfield A.* Teleology. L., 1976.
31. *Wright L.* Teleological explanations: an etiological analysis of goals and functions. Berkeley, 1976.
32. *van Parijs Ph.* Evolutionary explanation in the social sciences: an emerging paradigm. L., 1981.
33. *Sanders G. A.* Functional constraints on grammar // Studies for J. Greenberg. I / Ed. by Juilland A. Saratoga, 1977. P. 133.
34. *Campbell L., Ringen J.* Teleology and the explanation of sound change // Phonologica. 1980.
35. *Wurzel W. U.* Sprachsystem und Dialektik // Z. für Phonetik und Kommunikationswissenschaften. 1980. 33.
36. *Wurzel W. U.* Dialektischer Determinismus und Sprachsystem // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1981. 29.
37. *Donegan P., Stampe D.* The study of natural phonology // Current approaches to phonological theory // Ed. by Dinnsen D. Bloomington, 1979.
38. *Dressler W.* Explaining natural phonology // Phonology yearbook. 1984. 1.
39. *Wurzel W. U.* Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. B., 1984.
40. *Koij L.* The principle of transparency and semantic antinomies // Semiotics in Poland / Ed. by Telc J. Dordrecht, 1979.
41. *Langacker R. W.* The Cognitive perspective. Duisburg. 1988.
42. *Szymanek B.* Categories and categorization in morphology. Lublin, 1988.

Перевела с немецкого *Денисова О.*

© 1990 г.

БЕЛИЧОВА Е.

О ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Вслед за завершением системно-функционального описания русского языка в виде монументальной академической Русской грамматики под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 1980) и этапом необходимых подготовительных работ, заключавшихся в первую очередь в выяснении перспектив функционально-семантического подхода к описанию языка, т. е. оптимальных методов и возможностей фактического их применения, перед нами пред-